

Дождь становился всё гуще, превращаясь из мелкой мороси в затяжной холодный ливень. Он барабанил по пластиковой крыше газетного киоска, издавая глухое, монотонное шлепанье.

Гу Му всё еще стояла на прежнем месте. Дождевая вода стекала по прядям волос, пропитала плечи куртки, и ледяная влага пробиралась под одежду, касаясь кожи, но она словно этого не замечала.

Она смотрела вслед исчезающему автобусу. В груди полыхал безымянный огонь, смешиваясь с холодом дождя, и это рождало удушающее чувство тесноты.

Сто пять баллов.

Она каждый день торчит здесь, как какой-то маньяк-вуайерист, только ради того, чтобы смотреть, как Лу Мянэ унижают всеми возможными способами, и получать за это жалкие пять баллов?

Да к черту эти пять баллов!

От злости она была готова схватить сердечный приступ.

Гу Му с силой стерла с лица дождевые капли и зашагала прочь от киоска. Ее шаги были тяжелыми и быстрыми, она с силой шлепала по лужам.

В съемную квартиру она не пошла.

Она свернула на ту самую улицу, пропитанную запахом дешевых сигарет и стуком бильярдных шаров.

Ее не было здесь несколько дней, и этот запах по-прежнему вызывал тошноту, но в то же время почему-то дарил странное чувство узнавания.

В бильярдной было немногочленно. Парень в цветастой рубашке, дымя сигаретой, что-то весело рассказывал худощавому коротышке. Увидев вошедшую Гу Му — промокшую насквозь и с мрачным лицом, — они оба замерли.

— О, сестренка Гу? Редкая гостья, — опомнился парень в цветастой рубашке и выдавил фальшивую улыбку. — Что, под дождь попала? Где сейчас промышляешь?

Гу Му проигнорировала его язвительный тон и подошла прямо к стойке. Вода стекала с нее, образуя на полу темную лужу. Она посмотрела на парня, и ее голос, охрипший от дождя, был пропитан нескрываемым раздражением:

— Есть работа? Чтобы деньги быстро получить.

Парень в цветастой рубашке переглянулся с коротышкой. Тот втянул голову в плечи и промолчал.

Парень окинул Гу Му оценивающим взглядом и стряхнул пепел с сигареты:

— Сестренка Гу, не в обиду будет сказано, но босс пока отмашки не давал. Помнишь ту историю на ночном рынке...

— Меньше болтай, — перебила она, и ее взгляд стал пугающе холодным. — Есть работа или нет?

Парень почувствовал, как по спине пробежал холодок. Поколебавшись, он наклонился и понизил голос:

— Работа... есть одна, довольно паршивая. Там, на востоке, есть старик по прозвищу Шрам. Торчит нам денег уже полгода, ни в какую не отдает. Босс дважды посылал людей, но толку ноль. Старик этот чокнутый, дерется грязно. — Он сделал паузу и посмотрел на Гу Му. — Зато оплата вот такая. — Он показал жест, означавший сумму гораздо больше, чем в прошлый раз на рынке. — Но, сестренка Гу, ты сейчас... — он выразительно кивнул на ее мокрую одежду, — потянешь? Только проблем нам не наживи.

Гу Му уставилась на сумму, которую он показал, и быстро прикинула в уме.

Этого хватит, чтобы продержаться какое-то время и не ходить каждый день на эту проклятую «вахту» смотреть на сценарий.

— Адрес, — бросила она.

Парень скривил губы, оторвал клочок бумаги, нацарапал адрес и протянул ей:

— Не говори потом, что я тебя не предупреждал. Старый Шрам — это тебе не сопливые школьники.

Гу Мухватила бумажку, даже не глядя на нее, сунула в карман и развернулась.

— Эй, сестренка Гу! — крикнул ей вслед парень. — Если что случится, мы тебя прикрывать не будем!

Гу Му не замедлила шага и вышла прямо под дождь.

Она не пошла сразу на восток.

Сначала вернулась в квартиру, сменила мокрую одежду, выжала волосы, вытащила из-под кровати полупустую пачку отсыревших сигарет, сунула одну в рот, но не стала прикуривать. Затем она посмотрела на бумажку с адресом, и взгляд ее потяжелел.

Старый Шрам. Имя показалось знакомым — местный хулиган с востока, с дурной репутацией и скверным характером.

Ей были нужны деньги.

Но важнее всего было сделать хоть что-то, чтобы выплеснуть гнев, накопившийся в груди.

Эта унижительная «вахта», бессилие при виде издевательств над Лу Мянью, ненависть к этому провальному заданию — ей нужен был выход.

Она чувствовала, что вот-вот взорвется.

Драка, кровь, боль. Всё это было ей знакомо и помогало вернуть контроль над собственным телом.

Она прошептала про себя:

— Система, активируй «Блокировку боли». На максимально возможный срок.

— Принято. Списано 30 баллов. Активирована базовая блокировка боли, длительность 30 минут. Обратный отсчет запущен.

30 баллов... грабеж. Но этого хватит.

Она глубоко вздохнула, выплюнула размокшую сигарету, распахнула дверь и снова вышла под ливень.

Восточный район был еще более хаотичным, а переулки напоминали лабиринт.

Гу Му долго плутала по адресу, пока в тупике, заваленном старыми покрышками и мусором, не нашла покосившуюся вывеску с надписью Ремонтная мастерская Старого Шрама.

Дверь была закрыта, изнутри доносился шум телевизора.

Гу Му постучала.

Телевизор притих, и грубый голос рявкнул:

— Кто там? Закрыто!

— Пришла за долгом, — спокойно ответила Гу Му сквозь дверное полотно.

Внутри наступила тишина, а затем послышались тяжелые шаги.

Дверь со скрипом приоткрылась, и появился мужчина с одутловатым лицом и жутким шрамом, тянущимся от глаза до подбородка. Он подозрительно оглядел Гу Му.

— Долг? Какой еще долг? Я тебя не знаю! — Глаза Шрама сверкнули яростью.

— Деньги босса Вана, — сказала Гу Му. — Полгода прошло, пора возвращать.

Шрам сплюнул:

— Людишки этого кровопийцы? Проваливай! Передай ему: денег нет, а жизнь свою я не отдам!

— Он попытался захлопнуть дверь.

Гу Му с силой выставила ногу, заблокировав проем:

— Сегодня я получу деньги.

Шрам взбесился, рванул дверь на себя, и в его руке блеснула ржавая железная труба:

— Ах ты дрянь, совсем страх потеряла? Жить надоело?!

Он не закончил фразу, труба со свистом полетела вниз.

Гу Му напряглась, блокировка боли мгновенно включилась, и тело стало легким. Она увернулась, и труба с грохотом ударилась о дверной косяк.

Шрам, промахнувшись, разъярился еще больше и снова бросился в атаку. Его движения были хаотичными, но тяжелыми — типичная уличная драка без правил.

Гу Му пригнулась, уходя от удара, сократила дистанцию и с силой впечатала локоть в ребра

противника, одновременно пытаясь вырвать трубу.

Шрам охнул от боли, но это лишь сделало его безумнее. Свободной рукой он ударил Гу Му в лицо.

Она отклонилась, кулак прошел вскользь, обжигая щеку. Но она почти не чувствовала боли, лишь глухое онемение.

Она воспользовалась моментом, схватила его за запястье и с силой вывернула.

Шрам взвыл, труба выпала из рук.

Однако он был крепким малым и, не обращая внимания на запястье, с размаху ударил ее головой в лоб.

Бам!

У Гу Му потемнело в глазах, она пошатнулась и отступила, на лбу мгновенно вскочила шишка. Блокировка боли притупила удар, но головокружение было сильным.

Шрам подобрал трубу и снова кинулся в бой.

Они сцепились в узком, грязном переулке.

Кулаки, локти, колени... каждый удар отдавался глухим звуком. Дождь смешивался с грязью, брызги летели во все стороны.

Благодаря блокировке боли и отчаянной ярости, Гу Му выдерживала бешеные атаки Шрама, выжидая момент, чтобы нанести точный удар в самое уязвимое место.

Шрам начал выдыхаться, его движения замедлились, он тяжело дышал, но глаза по-прежнему горели злобой.

Гу Му подгадала момент, резко подсекла его ногу. Шрам, поскользнувшись на мокрой земле, с грохотом рухнул в лужу.

Гу Му тут же навалилась сверху, коленом придавила его поясницу и заломила руку за спину, вложив всю силу.

— А-а-а! — взревел Шрам, как резаная свинья. — Отпусти! Твою мать, отпусти!

— Деньги! — голос Гу Му хрипел от напряжения и дождя, но звучал угрожающе. — Доставай!

— В... в доме! В ящике! — Шрам, корчась от боли, наконец сдался.

Гу Му, не отпуская его руку, заставила его подняться и войти в заваленную хламом мастерскую.

Внутри пахло машинным маслом и потом.

Она заставила его открыть запертый ящик и вытащить пачку купюр, перетянутую резинкой.

Гу Му выхватила деньги, сунула в карман и только тогда отпустила его.

Шрам повалился на пол, прижимая вывихнутую руку, и злобно смотрел на нее, но дернуться не смел.

Гу Му не удостоила его взглядом и вышла обратно под дождь.

Холодная вода смывала грязь с лица и кровь с разбитого лба, принося с собой острое покалывание.

Эффект блокировки боли начал угасать.

Она потрогала в кармане пачку денег, пахнущих плесенью, и почувствовала, как по всему телу разливается ноющая боль, а в виске начинает пульсировать рана. Она тяжело выдохнула, чувствуя во рту привкус крови.

Эта драка вымотала ее сильнее, чем неделя на посту.

Но, по крайней мере, она почувствовала облегчение.

Раздражение от ежедневного наблюдения за этим убогим спектаклем наконец улеглось.

Дождь продолжал лить, и конца ему не было видно.

Гу Му тащилась домой, чувствуя, как протестуют мышцы. Каждая капля дождя, попадая на рану, жгла огнем.

Эффект блокировки прошел окончательно, и все удары, пропущенные в пылу схватки, теперь отзывались в теле, напоминая о цене этих тридцати минут безумия.

Она достала пачку денег — мокрую, в грязи и масле.

Она не считала, но толщина пачки внушала спокойствие.

Драка помогла выпустить пар.

Вернувшись в квартиру, она обнаружила, что внутри еще холоднее, чем на улице.

Она сбросила прилипшую одежду в угол.

Налила немного водки из остатков бутылки, стиснула зубы и приложила к разбитому лбу.

Резкая боль заставила ее охнуть, на лбу выступил холодный пот, но жжение от алкоголя притупило тупую боль от ушибов.

Она не стала обрабатывать синяки, просто кое-как обтерлась и натянула сухое.

Затем села на кровать и при тусклом свете из окна начала пересчитывать деньги. Пальцы плохо слушались после драки, поэтому она считала медленно.

Толстая пачка, в основном старые купюры разного номинала. Она пересчитала дважды.

Часть — долг боссу.

Оставшаяся сумма оказалась даже больше, чем она ожидала.

Этого хватит, чтобы оплатить аренду за несколько месяцев, и еще останется.

Она разделила деньги: одну часть сунула под подушку, другую — в потайной карман одежды.

Только после этого ее нервы немного успокоились.

Тело болело, но чувство обладания чем-то реальным приглушало боль.

Она легла, слушая шум дождя за окном, и усталость накрыла ее, словно прилив.

Она закрыла глаза и быстро уснула. В этот раз не было ни системных предупреждений, ни кошмаров — только глубокий, целительный сон.

На следующий день она проснулась поздно. Солнце пробивалось сквозь щели в газетах на окнах, отбрасывая на пол пятнистые столбы света.

Дождь прекратился.

Она пошевелилась — боль немного утихла, но рана на лбу и синяки напоминали о вчерашнем.

Она встала, вскипятила воду, сварила лапшу с яйцом. Горячая еда согрела тело.

Следующие два дня она жила почти роскошно.

Она заплатила за аренду, и вечно хмурый домовладелец, увидев деньги, не сказал ни слова.

Она купила на рынке мясо, яйца и даже пакетик арахиса, чтобы вечером погрызть его под водку.

Она больше не ела сухие галеты и не ходила к тетушке Чжан выпрашивать еду.

Большую часть времени она проводила дома: спала, смотрела в одну точку или разминала ноющие мышцы.

Система эти два дня молчала, видимо, понимая, что ей нужно прийти в себя после «дела».

Но иногда голос системы все же прорезался.

Такой внезапный отпуск был непривычен, даже немного... скучно.

Она по привычке смотрела в окно в то самое время, но тут же заставляла себя отвернуться. Те 75 баллов все еще были на счету, она их не трогала. Денег пока хватало, а баллы нужно приберечь на крайний случай.

Она пыталась не думать о Лу Мянь и о делах в школе.

Но иногда в голове невольно всплывало бледное лицо девочки, когда та падала, и пренебрежительный, как будто он отмахивался от мухи, жест Чжоу Хэжяня.

Эти картинки раздражали ее сильнее, чем синяки на теле.

На второй день после обеда, когда она курила у окна, раздался сигнал системы.

— Ежедневное задание: подтвердить текущее состояние героини. Способ: наблюдение на расстоянии (после уроков в школе Юйцай). Награда: +5 баллов.

Гу Му замерла с сигаретой в руке. Опять.

Она выругалась про себя, но сигарету затушила. Отдыха достаточно.

К тому же... ей нужно сходить.

Странное беспокойство снова подняло голову.

Она не спеша накинула куртку и вышла.

Погода прояснилась, но в воздухе еще чувствовалась прохлада после дождя. Она подошла к своему месту у киоска, где сегодня сидели старики, играющие в шахматы.

Прозвенел звонок, из школы хлынула толпа.

Гу Му искала глазами и быстро нашла худенькую фигурку в старой куртке.

Лу Мян, как обычно, шла одна, опустив голову. Но сегодня ее походка была странной: левую ногу она берегла, слегка прихрамывая.

Лицо было еще бледнее, чем раньше, а синяки под глазами проглядывали даже с расстояния.

Гу Му нахмурилась.

Что опять случилось?

Она смотрела, как Лу Мян с трудом дошла до автобусной остановки и втиснулась в автобус.

— Ежедневное задание выполнено. Награда: +5 баллов. Текущий баланс: 80 баллов.

Голос системы затих.

Но Гу Му не ушла, как обычно. Она смотрела вслед уезжающему автобусу, и тревога в душе становилась все ощутимее.

Это не похоже на простое падение.

Она постояла на месте, пока толпа школьников не рассеялась.

Затем она развернулась, но пошла не в сторону дома, а к школьной ограде с задней стороны.

Здесь было безлюдно.

Она прислонилась к голому стволу дерева, закурила и стала ждать.

Сама не зная чего — просто смутное предчувствие.

Минут через тридцать, когда она уже решила, что зря теряет время, из калитки вышли несколько человек.

Это была Лу Мянью. И еще две девушки. Не из компании Чжоу Хэжана, но по их виду и манерам было понятно, что с ними лучше не связываться.

Гу Му удивилась. Она ведь уехала на автобусе?

Одна из девушек с короткой стрижкой приобняла Лу Мянью за плечи, улыбаясь и что-то оживленно рассказывая.

Лу Мянью шла, опустив голову, ее тело было напряжено, она позволяла девушке тащить себя, и прихрамывала еще сильнее.

Гу Му прищурилась. Эта «дружеская» близость выглядела крайне неестественно и наигранно.

Они остановились в укромном углу у стены. Улыбка на лице короткостриженной девушки исчезла, сменившись нетерпеливым высокомерием.

Она отпустила Лу Мянью и протянула руку.

Лу Мянью, не поднимая глаз, достала из сумки новый пенал и осторожно протянула его.

Девушка вырвала пенал, открыла, посмотрела и скривилась:

— Чего так долго? В следующий раз купишь пораньше, ты хоть понимаешь, что задерживаешь меня?

Вторая девушка, которая до этого молчала, согласно хмыкнула.

Лу Мянъ съежилась, голос ее был едва слышен:

— ...Поняла.

— Вали отсюда, смотреть на тебя противно, — девушка нетерпеливо махнула рукой, словно прогоняя грязь.

Лу Мянъ, словно получив освобождение, тут же развернулась и поспешила прочь. От спешки она споткнулась на больную ногу, едва не упав, и вцепилась в стену, чтобы удержаться.

Девушки рассмеялись ей вслед.

Лу Мянъ покраснела до корней волос, закусил губу и, почти волоча ногу, быстро скрылась из виду, ее спина выглядела жалко и беспомощно.

Гу Му стояла, прислонившись к дереву, глядя, как девушки, обсуждая новый пенал, уходят в другую сторону, и как Лу Мянъ исчезает в конце переулка.

Сигарета в ее руках догорела до самого фильтра, обжигая пальцы.

Она с бесстрастным лицом бросила окурок на землю и растерла его ногой.

Пять баллов.

Ха.

По сравнению с другими заданиями — это как подачка нищему.

А она — та самая нищенка, которая каждый день приходит сюда к сроку, чтобы смотреть на этот цирк, от которого поднимается давление, и заниматься чистым самобичеванием.

Она не ушла.

Постояла еще немного, пока холодный ветер не заставил рану на лбу снова зануть, и только тогда направилась обратно.

Шаги ее были тяжелее, чем когда она пришла.

Вернувшись в квартиру, она почувствовала, что то короткое спокойствие, купленное на деньги Старого Шрама, исчезло.

В комнате было по-прежнему холодно, воздух был пропитан запахом водки и мази, отчего становилось трудно дышать.

Она раздраженно пнула ножку стола, и дерево жалобно скрипнуло.

Ей нужно было что-то сделать, а не наблюдать каждый день, как кукла, и копить внутри злость.

Пятьсот юаней — это, конечно, сумма. Но она больше не могла смотреть этот ежедневный спектакль.

Еще пара дней, и у нее будет не только сердечный приступ, но и гипертония.

Раньше она всегда мстила обидчикам в тот же день.

Где она видела такое?

К тому же, денег пока хватало. Больше ей особо и не нужно было.

Следующие два дня она не ходила к школе. Система по расписанию выдавала ежедневные задания, но она их просто игнорировала.

Вслед за этим последовало наказание — удар током первого уровня, короткий, но достаточный, чтобы напомнить о цене неповиновения.

Она стиснула зубы, перетерпела, на лбу выступил пот, но ярость внутри разгоралась только сильнее.

<http://bllate.org/book/18824/1832035>